

Михаил Герасимов

Мгновение Вечности



16+

Михаил Николаевич Герасимов

Мгновение вечности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48418597

SelfPub; 2023

Аннотация

Рай. Или "что взять с собой?" Что осталось от всем известного стереотипа о рае? Ничего! И что, всё так плохо? Нет. По-моему, очень даже неплохой вариант.

Михаил Герасимов

Мгновение вечности

Мгновение вечности

Часть 0. Миражи.

Души возносились неспешно, плавно, как тополиный пух в вечернем воздухе. А если учесть их мягкое мерцание, то как китайские бумажные фонарики. Фонарики чаще запускают вечером, вверх, в прохладу темнеющего неба, вслед закату, а теперь было светло, тепло, окружающее небо приобрело спокойный насыщенный синий оттенок, готовый позволить сверкнуть сквозь себя первым искоркам звёзд. Но это был не вечер, не было никакого "внизу", «вверху» и «вслед». Было ощущение парения и устремления вверх, от самого этого движения веяло вечностью, бесконечностью, непрерывностью и уверенностью, что им можно наслаждаться сколько угодно, и даже когда оно окончательно умиротворит и насытит, то его ещё останется бесконечно и не надоедливо много. Приветливая бездна, одинаковая во всех направлениях, не давала понять "откуда" и "куда". Миленько, но чем дальше, тем больше ничего, больше простора и покоя. Хотя нет. Ещё тишина. Ни разговоров, ни шума, ни журчания воды, ни даже чертовых сверчков... Но и ни бокала с вишнёвым коктейлем, ни пейзажей, ни указателей "Конец населённого пункта Земля", "РАЙ – 2,5км". Тишина – ти-

шиной, а откуда эти мысли? Откуда вообще мысли? У нас ещё остались мысли? Что это за отдых... с мыслями! Бездна слегка покачнулась, но как только мысль замерла, то и всё вокруг снова заполнилось покоем, негой, молчаливым величием инея, которым любят не дыша, чтобы не превратить его из завораживающих искр в бесцветную влагу.

Цель путешествия ещё долго оставалась невидимой, пока, наконец, не возник розоватый рассветный горизонт, возвещавший прибытие на верхний уровень, или, по крайней мере, прибытие на что-то новое, и это «что-то» было определённо возвышенное, величественное. «Прибытие» не было похоже на подъём в прозрачном лифте, но любое путешествие имеет смысл, если только меняются пейзажи. Этот пейзаж приглашал ступить на него, манил мягким, светящимся малиновым теплом и бессловесным намеком, что на этом пути не будет конечного пункта.

Новая группа душ прибыла довольно большая. Конечно, смотря с чем сравнивать, но 100-150 светящихся изнутри белых туник, чтобы уж обрисовать себе примерную картину, а не воображать праздничное шествие целого города или пару семей на совместном пикнике.

Немного робко и осматриваясь по сторонам, они ступили на широкое молочно-розовое сияние, ведущее вдаль. Вариантов, как поступить иначе, не предоставлялось, а начинать ВЕЧНОСТЬ с совещания, опроса мнений и голосования "Идти или не идти?" или "Может, автобус подождём?"

никому не хотелось. Потому просто пошли и... И пошли. Заскользили, пропуская через себя малиновый туман, неся в себе ожидание бесконечной череды восторга и удовольствия. Не было особого удивления, когда навстречу им показались две фигуры. Они были несколько ярче и тоньше, а в целом такие же, как и новоприбывшие, если не считать звёздные искорки, остававшиеся на пройденном ими пути. По всей безысходной логике это были встречающие. Толпа наконец-то огласилась... Не вздохом, и не возгласами! Они могли, но не смели. Толпа огласилась всеобщим чувством облегчения. Наверное, вознесение без провожатого было серьёзной ошибкой в Замысле, потому что единоличная свобода и уединение и тут многих вгоняет в подобие депрессии!) Появление встречающих позволило вновь расслабиться и отдать себя на волю... Нет! Под ответственность кого-то другого. Вот. Расстояние, тем временем, сокращалось.

Из окружающего безбрежного и необъятного пространства, как из глубин времени, вдруг появился и стал нарастать отдалённый рокот, как от грозы, когда туча ещё не показалась даже над тонкой полоской леса на горизонте, но исполненные мощи отголоски раскатов уже предвещают величественные природное зрелище.

Сей гул не встревожил, но всех заинтриговал. Во-первых, разнообразие. Во-вторых, мысль "Неужто это ОН САМ?". Стоило столько верить и терпеть, чтобы теперь убедиться, преклониться, возрадоваться, восхититься, насладиться. И,

хотя все смотрели во все стороны, но никто не понял откуда именно полукругом выстрелили, сверкнули рельсы и между группой душ и двумя источающими свет фигурами с грохотом остановилась череда вагонеток, наполненных чертями. Черти шумно суетились и бурлили поверх бортов, а зрители почувствовали себя посетителями зоопарка, словно забор, отделяющий их от стада буйволов, вдруг оказался за их спинами. На две светлые фигуры появление эшелона с чертями впечатления не произвело. Атмосфера наполнилась топотом, хихиканьем, толкотнёй, беготнёй... Не рай, а стихийная посадка на пароход при эвакуации города перед лицом наступающих орд неприятеля или извержения вулкана. Черти прыгали, бегали вокруг, делили толпу вилами на группы помельче и расталкивали по вагонеткам.

– Бесплатная экскурсия в ад! Все по вагонеткам! Бесплатная экскурсия!

Из ближайшей вагонетки выскочили ещё два черта, толстый и маленький короткий. Трезубцы вверх, острые хвосты, радостные энергичные гримасы... Похоже, отказаться от экскурсии не представлялось возможным.

– Вы всё увидите сами, и даже сможете попробовать! Двери закрываются!

"Двери", то есть огромная чугунная заслонка от доменной печи на ржавых болтах, резанула души характерным скрипящим визгом, оглушительно лязгнула на весь небосвод, и вагонетки покатались.

– Я Кока, а это – Коц. У всех чертей имена на "К", – поделился толстый Кока ценной и такой долгожданной информацией. – Я ваш гид на ближайшие две тысячи лет.

При этой цифре одни души стали обморочно стекать на дно вагонетки, другие попытались рвануться через борт, но рельсы, закрученные как аттракцион в парке, утрясли всех обратно.

– Всё, что вас интересовало, но о чем вы боялись спросить... – не унимался Кока, сыпавший журналистскими «штампами», как коза «горохом».

Вагонетки летели вперёд. Нет. Не вниз, как вы, возможно, подумали. Души, приговорённые к бесплатному созерцанию Пекла, придавленные таким оборотом, озирались по сторонам, то и дело возвращаясь взглядом к двум своим новым сопровождающим. Две светлые туники позади таяли как маяки в тумане, без тени сочувствия или успокоительного напутствия.

– Что, те двое выглядели лучше? – весело и с ехидцей поинтересовался Кока. – Успеете ещё. Две тысячи лет по сравнению с Вечностью... Да и чего там ловить в этом раю? Могу поспорить, все готовились валяться на золотистой травке, на облаке, поплевывать вниз, отоспаться... Что там ещё? Да в общем больше почти ничего. Рассказать вам немного о рае?

Публика оживилась. Скорее ожила. Оправилась от шока.

– К сведению: рай – это только то, на что способна ваша

фантазия, а с ней обычно всё плохо, как со сценариями в порнографии. Антураж ничего так, а сценариев – во! Тут Кока выставил в сторону слушателей свой трезубец и помахал им из стороны в сторону.

– Ну может быть чуть больше, – смягчился он, с улыбкой добавляя к трем зубьям острый кончик своего хвоста, по форме как классический гарпун. – С мечтами, у кого они были, немного лучше, но мечты – обычно это то, за что к нам едут не на экскурсию. С хобби полный облом. Вот, ты – кто? Электрик? С электричеством в раю полный порядок. Никаких схем и проводов. А хобби – фотограф. Ну разве это хобби? О чем ни подумаешь – вот оно, снимай. А кому показывать? Кому ты там нужен со своими шедеврами? А критики тоже все у нас.

В этом месте Коц отложил инструмент, подсел к пассажиру-электрику-фотографу, вытянул лапу вперед и щелкнул пальцами, имитируя щелчок камеры. В воздухе возникла фотография 18x23 дюйма – двойной портрет Коца и савана-фотографа. Коц черкнул кончиком хвоста имена в углу фото, смачно проткнул фото хвостом и с видом весёлого заговорщика спросил: "Пошлём твоим на Землю?"

На эту шутку раздался дружный, скрипучий как ржавая консервная банка, ржач чертей из соседних вагонов. Души тихо давились подобием смеха, но сдерживались как могли.

– Расскажите лучше, как там... у вас... – вышла из комы молчания одна из душ. Остальные тут же невидимо раздели-

лись на две разно мыслящие половины в ожидании, что будет результатом такой смелости.

– Ё! Кац мара ыц! – живо откликнулся Коц. – А как вы думаете? Ад, в принципе, более разнообразный и проработанный. Там не надо ничего воображать. Он такой, какой есть. Повалитесь в раю брюхом вверх лет пятьсот – ещё сами к нам запроситесь. Может, прямо сейчас? По рукам?

Тут Коц подскочил к спрашивавшему и цепко сжал когитистой лапкой край мантии. После рывка души в сторону на мантии осталась помятость и угольно-пыльное пятно с печатью ада.

– Не ссы! Это ещё не контракт. Сейчас приедем – мы тебя простирнём. Вы нам и не особо нужны. Сидеть!

Встряска общением сподвигла на вопрос ещё одного участника. Он, видимо, хотел перевести разговор из рискованного практического русла в менее провоцирующее, вроде невинного любопытства.

– А на Земле вас кто-нибудь видел? По-настоящему...

– А-а... Нет. Мы не выскакиваем из бутылей с самогонном. – ответил Кока, скрещивая ноги и готовясь к интересной беседе.

– А почему вы такие же, как вас там рисовали? Это тоже наше воображение?

– Мы на самом деле такие. Там просто угадали. Если взять вас, ваших предков и тараканов в ваших головах, всё перемножить – мотылёк должен был получиться что ли? Вот ка-

кой ОН – ни фиги никто не угадал.

– А если перейти в ад – это уже навсегда? – раздался вопрос из-за спины Кока, и Кока вдруг стал серьёзным. Он неторопливо обернулся, посмотрел на «любопытного №3" за всю поездку, и размеренно приказал:

– Коцик! А ну-ка нацарапай этому пассажиру пару грехов типа торгашества...

Коцик вскочил на борт вагонетки, раскинул лапы в стороны и ...

– Баруууккааа!!!

Над вагонеткой сгустилось серое крылатое облачко, потом, начиная с середины закрутилось и раскрылось. Сквозь остаточную его пелену проступили страницы открытой книги. Перелистнув несколько страниц, заполненных рядами вертикальных палочек, нашел свободное место и два раза скрабнул своим инструментом.

Все обернулись на шелест, с которым душа сползла на дно вагонетки. Кока поддел её на вилы и положил обратно на скамейку.

– Ну, получилось шесть, а не два... Гы-гык! – икнул он.

Облако унесло вдаль встречным ветром. Стук колёс прекратился.

– Ну?... Мне разгружать, или сами разгрузитесь? – с мяукающим вьетнамским акцентом визгнул Коц, беря трезубец наперевес. От внезапной остановки все окоченели и даже не смотрели по сторонам. Вагонетки окружила клокочущая сте-

на живой черной массы, из которой светились сотни пар глаз и торчали сотни две трезубцев поменьше.

– Экскурсия! – пояснил Кока, и энтузиазм персонала вокзала перекинулся на своё прежнее занятие. Вдоль перрона по другим путям двигались такие же вагонетки с углем. Пути закруглялись, вагонетки опрокидывались в центр гигантской воронки, куда уголь и засасывался вместе с пылью. Не смотря на пыльный груз, везде было чисто, прохладно и свежо. Практичный темно-серый цвет, типичная вокзальная архитектура, но непостижимые, необозримые размеры. Вокзал не стоял на плоскости. Поэтому и рельсы и стены не уходили прямо вверх или в горизонт. Вокзальная площадь сворачивалась в спираль как улитка и устремлялась неизвестно куда. Всё происходило внутри этой улитки.

– Строицца!! – раскатисто, по-сержантски скомандовал Кока. – После буфета – осмотр достопримечательностей, музей Почётных грешников, пробные мучения... Совершенно безопасные и развлекательные! Групповое фото и убытие обратно к местам Вечной скуки.

– А 2000 лет?..

– Это шутка была!

Часть 1. Тьма.

– Где я?

– В раю. – ответил из непроглядной темноты голос, похожий на мой собственный.

– А почему так темно?

– А что ты принёс с собой?

Голос звучал не со стороны, а то ли в затылок, то ли со всех сторон сразу. Тёмная пустота обволакивала, как непрозрачная вакуумная упаковка. Хотелось открыть глаза и увидеть хотя бы свои руки. Но не было ничего. Прошрое за спиной захлопнулось с тяжелым, звенящим эхо. Теперь он почти стихло. Почти – потому что оно ещё продолжало звучать слабым отголоском в памяти, как контузия, а лицо уперлось в тупик темной пустоты и беспомощности.

– Я в раю?

– Да.

Голос прекрасно держал паузы, как невидимый шахматист, играющий против меня. Только в отличие от него я не мог сделать ни одного осмысленного хода. Чем ходить? Куда? Голос, однако, и не раздражал. Таким голосом, наверное, каждый разговаривает внутри себя, когда хочется поговорить с самим собой, повторить понравившуюся фразу.

– А почему так темно?

– А что ты принёс с собой? – опять повторился вопрос.

– Не знаю. Я не знаю, что я есть теперь сам.

Я попытался почувствовать, нащупать хоть что-то, что может иметь принадлежность ко мне, чтобы сгрести это в комок и обозначить его своим «я», но не нашел ничего осязательного, как и ничего подходящего на роль определения своему текущему состоянию, потому что мне просто нечем было это оценить.

– Ты – память, ты – мысль. И это единственное, что ты есть. Включи мысль!

– Мысль озаряет! – вырвалось откуда-то из отдалённого уголка моего сознания. Этот робкий спасательный круг пролетел мимо тусклым метеором и тоже погас. Что же дальше?

– Верно. Здесь всё логично.

Но голос не продолжил объяснений. Ход был за мной. Но какой?

Я подумал о свете. Этот свет, слабый, как от спички, смог бы озарить мои руки, если бы они у меня были, но их тоже не было, и эта искра так же угасла навсегда. Это угасание вырвалось из меня неожиданным вопросом, как воспоминание, как взгляд назад:

– Как я... Как закончилась моя... Как я умер?

– Это не сохраняется. – мягко и безапелляционно отрезал голос. – И умер не ты, а только часть тебя. И вряд ли самая ценная. Это ещё предстоит понять.

– Спасибо. Значит и не умер. Так это здесь называется. Умеешь успокоить и ободрить.

– Тогда продолжай думать. Все этим занимались в жизни, но почему-то считали жизнью возможность двигать ногами, руками, спать, есть, пить, болеть и всё такое прочее. Что-нибудь серьёзно изменилось? Да. Снят ряд ограничений и осложнений. Если всё ещё считаешь, что умер, то замри и не думай, не двигайся, придурок!

Последнее слово просто обожгло сознание. Это было уже

совсем ново. Голос, как строгий родитель, давал понять, кто тут кто, а кто на правах новорожденного. Ладно...

Я снова попробовал сгустить мысль до чего-то осязаемого.

– Ты думаешь слабо и бесцельно. Подумать и захотеть – не одно и то же. – подсказал голос, но подсказка не показалась похожей на ясную инструкцию. Значит, надо подумать об источнике света и ощутить свет... Но снова ничего не изменилось. Я хочу, чтобы был свет! – сказал я себе уже уверенно и почти грозно. Темнота. В мыслях начались отчаянные попытки выделить, выжать, сгустить из темноты искру света, хотя бы белую точку, но сначала получился только слабый серый туман, дымка. Может надо что-то изменить не вокруг, а в самом сознании?

– Пусть будет свет!

Новым усилием воли я сжал серый туман своей неуверенности, от чего тот стал ярче и в следующее мгновение слабо озаренное Ничто разделилось на свет и тьму, пустую тьму, пожиравшую созданный свет с ненасытной жадностью. Свет уходил в темноту, не встречая препятствий и растворялся в ней. Но теперь свет был рядом со мной, маленькая, белая, холодная звезда в черном беззвёздном космосе. Слабые очертания моих рук протянулись к ней. Какое безумие поглотило меня? Когда закончится этот сон? Хотелось уже схватить эту белую звёздочку, обжечься и проснуться с огромными, стекающими по лицу каплями ночного пота, обругаться на

себя и свою затекшую до омерзительной колкости руку или ногу, побороть головокружение, умыться и всё забыть.

Звезда казалась очень близкой, на расстоянии вытянутой руки, но когда я попытался двинуться навстречу ей, то оказалось, что долететь и дотянуться до неё не просто. Прежние представления о скорости и расстояниях здесь не работали. Не было ни точек отсчета, ни масштаба. Можно было двигаться с бесконечной скоростью, но при этом оставаться на месте. Я и белая звезда. Мы висели, плавали в черной бесконечной темноте. Я представил себе движение вперёд.

Белая звёздочка неохотно, медленно двинулась мне навстречу, постепенно вырастая до размера виноградины, грецкого ореха, потом яблока, но всё ещё оставаясь далёкой, не давая никаких представлений о своих свойствах и настоящих размерах. Мне показалось, что вечность не намного лучше бесконечности. Вечность – это отсутствие времени. И нет разницы, век или мгновение. Бессмертие доисторической рыбы, оставившей свой скелет в толще меловых отложений.

Мы долго и плавно сближались, а она беззвучно росла и росла, оставаясь холодной. Но, несмотря на её холодность, я всё ещё опасался сгореть в лучах созданного мной света. Мысль вернулась к началу, в котором я был в темноте и пустоте. Что мне терять? Я – ничто, и вокруг ничего. Будь что будет. Завораживающее изменение пропорций пространства и масштаба продолжалось. Звезда увеличилась. Её белая по-

верхность уже была как белая светящаяся стена передо мной. Ещё немного, и соприкосновение произошло. Стена медленно поглотила меня. Но ни тепла, ни холода я не почувствовал. Я очутился внутри света.

Всё изменилось с точностью до наоборот. Теперь свет был бесконечен и настолько же пуст, как ранее темнота. Точно так же, когда закрываешь глаза и поворачиваешь лицо к солнцу, взгляд закрытых глаз заполнен красным светом сквозь веки, но больше ничего невозможно увидеть в этом красном свете.

Что дальше? Теперь мне придётся создавать крупицу тьмы в этой белой бесконечности, или что? Не знаю!!! Но белый свет тоже не ответил мне ни эхом, ни колыханием, ни дуновением.

– Здесь есть вообще что-нибудь? Или кто-нибудь? – спросил я.

Голос с готовностью снова ответил мне.

– Рай – это то, что ты принёс с собой. Это первое. – сухо проинформировал он. Его звучание, надо заметить, немного изменилось, но явно не в лучшую сторону: слишком уж официально. Нисколько не обидно, но сказал он это как-то автоматически, юридически безжизненно, как говорят сонные нотариусы. Так же бубнят свои лекции по математике старые усталые профессора, борясь с собственной немощью и молчанием аудитории, занятой своими делами, или механический голос, объявляющий остановки.

– Второе: рай – это не социум. Ты здесь один, так задумано и этого достаточно. Третье – обращай со своими мыслями разумно. Число предупреждений ограничено.

– Чёрт! – полыхнуло что-то во мне теперь даже совсем не белым светом. Клянусь, если бы у меня были зубы, я бы услышал их скрежет! – А колючей проволоки нет? Еда два раза в день? Сколько у меня предупреждений, и кто Ты?

– А есть ли смысл ВСЁ это знать?

Голос негромко, но очень отчетливо проставил акцент на слово "всё", и одно это ударение говорило о большем, чем целая объяснительная речь. Однако, он продолжил.

– Здесь нет ни еды, ни дня, ни ночи, ни сна. Здесь нет и не будет никого, кроме тебя. Тебе выдаётся одна Вечность и одна Бесконечность.

Далее... Если бы предупреждений было три, и ты бы знал об этом (здесь голос сделал очень короткую паузу, но такую, что можно было почти увидеть подобие бесплотной издевательской улыбки), тем скорее ты бы израсходовал два из них. Если бы их было 9 – тем скорее бы осталось неизрасходованным одно, последнее... Теперь принцип тебе понятен. И уж конечно, предупреждений не могло быть 27, 108, 90000... Смысл теряется окончательно. В тебе читается досада, что ты не знал и не мог догадаться об этом заранее. Ты ощущаешь себя взрослым новорожденным, попавшим в незнакомое место. Ты не знаешь ничего о себе, не умеешь пользоваться тем, что имеешь, хотя ты на самом деле не совсем

"ничто", и кое-что у тебя есть. Этого могло быть и больше, но теперь это уже поздно обсуждать.

– Кто Ты? – настойчиво повторил я, уже без всякой сдержанности, нажимая на каждое слово, как на карандаш, который и так уже рвал бумагу своим острым грифелем. Похоже, если рай обращается со мной, как с задержанным, то и я имею право хотя бы знать правила. Или свои права.

– Я – это ты. – неожиданно коротко прозвучал ответ. Карандаш моей мысли издал сухой треск и так и застыл сломанным в воображаемой руке.

– То есть?

– Я часть твоей памяти. И это вполне логично совпадает с моим предыдущим заявлением, что ты тут один. Иначе бы выходило, что я солгал.

– Те самые неиспользуемые девяносто с чем-то процентов мозга?

– Не совсем. И мозг тут тоже уже ни при чем. Я нечто вроде встроенного руководства пользователя к тебе самому.

– И много там в этом руководстве записано?

– Много. Много из того, что касается тебя. но не "вообще всё", конечно. Три первые правила ты принял. Это не все правила, но и не все ты можешь узнать одновременно, сразу.

– Встроенное руководство!... Иметь бы доступ раньше, может быть не потребовалось бы тратить полжизни на учёбу, ошибки и приобретение опыта, оплачивая его временем, а

порой и суставами пальцев.

– Генетическое наследование знаний и жизненного опыта не доступно для цивилизаций вашего типа. Вы даже свои сны обычно не помните утром. Твои следующие два вопроса "Почему?" и "Кому доступно?". Так?

– Да.

– Есть вопросы, на которые я не могу ответить. Но сначала по поводу правил. Правила здесь – они и есть, и их, в общем-то, нет. Всё устроено так, что ты не можешь ничего нарушить, то есть если чего-то нельзя, то ты и не можешь это сделать. Логично? Удобно. Нет риска ничего серьёзно нарушить. Но лучше их знать. В бесконечности и вечности всё же есть неопределённость. Ты здесь не просто так. Ты не можешь изменить глобальные правила, но можешь выбрать не лучший путь. Это уже в твоих интересах. Это довольно действенная стимуляция исследователя. Что найдёшь – всё твоё. Ошибёшься – можешь и пожалеть. Тебе снова придётся добывать опыт. Правда, теперь без потерь времени. Его здесь нет. И бесплатно. Тебе больше почти нечего терять. Но это «почти» и есть всё то, что ты есть.

Теперь по поводу цивилизаций и "кому доступно". Пожалуйста!

Хоть здесь и не университет, но почему бы его не создать и не окончить! Наследование опыта доступно, например, муравьям, грибам, растениям, даже в какой-то степени и высшим млекопитающим. И ещё много кому. Черви, медузы,

бактерии, ... Об инстинктах ты в курсе, хотя и поверхностно.

– Растения? Жизненный опыт у растений?

– Почему нет! Ты не оценил слова "для цивилизаций вашего типа", но ты можешь понимать эти оттенки. Придётся напрячься и начать думать свободнее и глубже. Ты принадлежал к одной из множества цивилизаций, совокупность которых считал одной. Начинай получать удовольствие от понимания, от мысли, от смысла. А там, может быть, и до осмысления замысла дойдёшь.

– Смысл.. мысль... Что я могу создать, и как?

– Всё, что угодно.

– Даже свою прошлую жизнь?

– Да, если захочешь, и если найдёшь в этом занятии смысл.

– А ещё?

– Не знаю. Зависит только от твоей фантазии.

– Фантазии? Так то, что было до темноты – это тоже было на самом деле? Один из чертей тоже говорил о фантазии.

– На самом деле никакого самого дела нет. Есть ты. Ты – это твоя память. Твоя память – это конструктор, из которого ты можешь создавать всё, что заблагорассудится. Желаю успеха!

И голос умолк. Я попробовал обратиться к нему, но не получил отзыва. Моё встроенное «руководство пользователя» оказалось тоже с характером. Но, наверняка оно следит за мной, и отвечает, когда в этом есть особая необходимость. А может... Во всяком случае, я опять был один, как и бы-

ло указано в лицензии на Вечность. Постоянный спутник и собеседник мне не положен. Ну и пусть так! Я задумался. Может, на мгновение, может на несколько тысяч лет. Какая теперь разница! Я мысленно развернулся к багажу своей памяти и начал разбираться со своими воспоминаниями и что я могу с ними сделать. Или чего я хочу. попробовать населить это пространство миллиардами людей, нарисовать материки, пляжи, назначить свои правила и пуститься в самое отвязанное путешествие, какое не пришло бы в голову ни одному туристу даже с неограниченным бюджетом? Мир по моим правилам... Заманчиво. Но куда меня это приведёт? Через какой-нибудь триллион лет мне надоедят пляжи, красотки, межзвёздные путешествия. Через два триллиона, когда я исчерпаю свою фантазию созданием миров, форм жизни и невозможными явлениями природы, я начну войны и катастрофы? Создам ад?

Но ад начался с самого начала. И имя ему было Неисчерпаемость. И Бессмыслие. Где-то позади, за гранью бесконечности, осталась Земля. Может быть, там прошли миллионы лет, её обожгли солнечные вспышки, или новые войны, падения астероидов, океан снова кишел первобытным планктоном или мегалодонами, или там уже жила супер-цивилизация, освоившая пространство на сотни световых лет вокруг, и обустроившая умильный музей, рассказывающий о её прошлом. А может быть, там всё застыло в ожидании моего возвращения. А я был здесь, создавал из пустоты и своих

воспоминаний новую реальность, похожую на мои прошлые сны, наслаждался всемогуществом и отсутствием времени, которое так торопило меня раньше. Теперь было иначе. Время нисколько не мешало мне своим неотвратимым ходом и неизбежностью наступления какого-то нового «крайнего срока», новой финальной черты. Но ад бесконечности подавлял. Что вы знаете о бесконечности? Она бесконечна – это почти ничего не сказать. Когда ты находишься в бесконечности, нет смысла в движении, нет никаких точек отсчета. Ты можешь лететь куда угодно с любой мыслимой и немыслимой скоростью, но это равносильно тому, что ты остаёшься в неподвижности. Ты ни к чему не в состоянии приблизиться. В бесконечности ты можешь сколько угодно увеличиваться в размерах, хоть до размеров сверх-галактик, но при этом чувствуешь себя в сравнении с бесконечностью ничтожным атомом.

Я терзал и терзал свою память, напрягал фантазию, создавал и рушил. У меня хорошая память! Она впитала так много слов, мыслей и фантазий, столько желаний! И я прожил здесь тысячи тысяч разных старых и новых жизней. Я прожил жизнь желудя, впитав соки земли. Я вырос в высокий дуб, чувствовал движение соков вверх по стволу весной, прожил обезвоживание осени. Я расставлял в стороны пальцы своих ветвей, а ветер трепал шевелюру листвы. Я заслушивался музыкой шума ветра в листве. Я был атомом углерода, прикованным как Прометей к кристаллической ре-

шетке алмаза, был ленивым и задумчивым осьминогом, стаей вольных дельфинов или касаток. Я прожил всё, что было возможным прожить в прошлом и будущем, от доисторического кольчатого червя на дне мелового моря до кванта света, несущегося меж галактик, уже не помнящего что его породило и устремлённого в бесконечность космоса. Я был всем и вся. Что я ещё упустил и не попробовал? Я найду это. У меня есть Вечность и Бесконечность. Некуда спешить. Череда созданных мной миров дала мне какое-то насыщение, зрелище, но ничего не добавила к моей памяти. Как будто всё это было во мне всегда. Я перечитал книгу своей памяти и передумал в ней всё, что было возможно. Чего у меня нет, так это цели. Мне ещё не понятно, какой смысл в том, что я творю, потому что сотворённое мной исчезает. В этом была та самая ложка дёгтя. Всё отчетливее вырисовывалось то, что память моя не так бесконечна, и когда в ней создавалось что-то слишком громоздкое и сложное, то что-то созданное ранее исчезало.

И всё ещё не было новой цели. И чем дальше я строил, тем больше рушилось позади.

Как собрать эту головоломку, в которой так много всего, так много возможностей, но нет результата, которого нужно достигнуть. Этот результат – смысл моего пребывания здесь. Смысл, как высшая цель, манит к себе, но, возможно, для его достижения нужно разрушить то, что я имею сейчас. А хочу ли я этого? Стоит ли эта цель дороже того, что я получил

и имею? Желанная Вечность и такая удобная Бесконечность – чего вы хотите от меня? Но ни вечность, ни адская бесконечность не отвечали мне. Я вспомнил о голосе, к которому уже не обращался настолько давно, что почти забыл о нём. Пора бы сделать новый шаг.

Часть 2. Безумие.

– Где остальные? – отправил я волну своего голоса в пустоту. Кругом снова была пустота. Я погрузился в покой и последние созданные мной миры растаяли.

Голос спокойно ответил мне в затылок:

– В таких же мирах, вероятно.

– А те, кто... не успел накопить жизненного опыта и наполнить память...

– Дети... Не волнуйся о них.

– Но почему исчезает всё, что я создаю? У меня уже неплохо получается.

– А ты ещё ничего не создал. Любование песком, пересыпаемым из ладони в ладонь ничего не добавляет к самому песку.

– Но ты говорил... Я начал создавать, я вкладывал в это усилия.

– Твои усилия – ещё более абстрактная вещь, чем твоя память. В слове «создавать» есть слово «давать», но ты только в начале пути.

– Черт побери! В начале! Кому или чему я тут могу что дать, чтобы что-то создать? Я уже, кажется, создал боль и ярость, и почти готов создать ад. Что я ещё могу сделать?

– Попробуй!

Что прозвучало в этом «Попробуй!». Странная смесь предложения, предупреждения, издёвки. Моя мысль уже много раз испытывала ощущения, похожие на мучения, но от буквального создания ада и разрушений меня что-то всегда останавливало. Всерьёз ли это предложение голоса?

Я уже давно привык к тому, что мысль, сбросившая оковы тела, легко принимает любые формы и образы. По своему настроению я менял эти состояния и воплощения легко, как героини мультфильмов. Хотя нет. Персонажи сказок давно остались далеко позади. Мои метаморфозы отражали каждое колебание мысли. Теперь, когда клокочущие мысли заставляли гудеть сознание и видеть перед собой сжимающиеся кулаки, я видел их, но не кровь выступила из под ногтей, а нечто черное, как нефть, и тяжелое, как ртуть.

Тёмные мысли, как наэлектризованная, липкая угольная пыль, застилала взгляд, портила мои творения.

Тогда и возникло Зеркало.

Овальное напольное зеркало.

В его поверхности отражалась непроницаемая тёмная пустота. Та самая темнота, которая теперь сгущалась за спиной и вокруг. Её комки становились всё ощутимее и плотнее,

касались меня и кажется хотели что-то оторвать. Сопротивляться им было всё сложнее. Тёмная липкая тьма поглощала меня и последнее, что мне удалось увидеть, бросив взгляд на зеркало, силуэт, проступивший на стекле: мокрый черный мех, смотревший на меня маленькими глазками. Тонкий, заострённый хвост и торчащий из-за спины... трезубец.

– Я? Это я?

Впервые за всё время возникло ощущение такого испепеляющего жара изнутри. Как когда-то ранее, когда я пытался создать свою первую звезду, первый комочек белого света, теперь внутри меня снова зарождался свет, но горячий, готовый к взрыву невозможной силы.

– Не-е-е-т!

И термоядерный пожар заполнил бесконечное. Мысли и всё созданное мной корчилось в нём, как старые горящие фотографии. Искры пожирали изображения, слова и чувства, оставляя за собой хрупкий пепел. Снова возвращалась прохлада и пустота. Я всё ещё осознавал себя в ней, но осыпанный сажей. Растерянность и ярость были запахом этой новой темноты. Зеркало исчезло. Как оно появилось? Я не создавал его и не было ни одной мысли о зеркалах. Было ли это предупреждение? Может быть. Но ответом этой мысли было нестерпимое и протестное «Что мне терять?».

Но я достиг какого-то изменения. Зеркало возникло не по моей воле. По крайней мере, явно я его не желал. Какая сила извне показала его мне и зачем? Не иначе, как в ответ на

мою ярость. Значит, предупреждение. Что дальше. Успокоиться ещё на одну-две вечности, или бунтовать и прорывать-ся дальше? Вот только ставки тут принимаются по одному правилу: игра сразу на всё. Или ва-банк, или неподвижность и смирение.

Мысль о смирении, несмотря на всю её радужную комфортабельность, отдавала спокойствием замороженного полуфабриката в холодильнике. Или шаг вперёд, в неизвестность, или ещё вечность на этом же месте?

Шаг!

Бесконечность покачнулась и вдали показалось круглое оранжевое свечение. До этого пространство было одинаковым в любом направлении. Теперь оранжевое направление казалось низом. Сближение, похожее на падение, ускорялось и детали оранжевого диска становились отчетливее. Составленный из оранжевых подвижных ромбов глаз попеременно щурился и расширял зрачок. К нему и тянуло, и было понятно, что скоро всё чем-то закончится.

Всё закончилось короткой вспышкой света.

Часть 3. Глаз дракона.

Сознание вернулось неожиданно. Прошел ли только миг, или ещё одна вечность – как это понять здесь, где нет времени? Если бы у меня было тело, я сейчас выглядел сидящим, поджав колени к лицу, комком плоти, пытающейся со-

хранить тепло. Но тела не было, а ощущение было, и именно такое.

– Где я?

– По ту сторону.

– По ту сторону рая?

– По тут сторону глаза дракона.

– А есть разница?

– Есть нюанс: в ад отправилась часть тебя. Последнее тёмное, что было в твоей памяти.

– Часть меня в аду?

– Уже нет. Тёмное сгорает и даёт свет. Просто свет.

Чувство одиночества усилилось и обрело новый оттенок.

Быть одному – в этом не было ничего особенно непреодолимого, но теперь одиночество означало неподвижность, отсутствие цели. Чего-то я достиг, но насколько я продвинулся? Я истощил свою фантазию на том этапе, который прошел. У меня больше не было желаний. Но если это не конец пути, значит возможно ещё какое-то продолжение. Я Робинзон на необитаемом острове, искра во вселенной одиночества, но раз времени нет и можно думать сколько угодно, то нет смысла возвращаться к поиску способа погасить эту искру. Пусть светится и тлеет в темноте, пока не придёт идея.

– Приемлемо. – с прохладным участием одобрил голос.

– Ты подслушиваешь меня постоянно?

– Я часть тебя. Я вижу твои мысли, но не управляю тобой.

Темнота сменилась ощущением света, тепла, шумом волн

и песка под щекой. Я открыл глаза. Я впервые их открыл не мысленно, а как бы на самом деле. Навалилось множество ощущений: и тяжесть, и ощущение плоти, движение тёплого воздуха, запах водорослей, колкие песчинки на ладонях. Я не упускал такие детали и при постройке моих миров ранее, но теперь это всё возникло само. Слабость. Её я ещё не испытывал здесь. Была беспомощность в тёмной невесомости, но не слабость. Когда я начал творить – это были лёгкость и всемогущество. Теперь слабость. И голод. Мне придётся искать растительную пищу, или охотиться? Убивать? Добывать огонь?

Попробовать подавить чувство голода?

Я продолжал лежать на песке. Тень пальмы лениво приближалась ко мне по песку. Не хочу двигаться. Пусть она сама дойдёт до меня. Пусть голод потерпит, и посмотрим, как он поведёт себя дальше, так и будет тихо скулить, или обнажит зубы.

Из кучки водорослей на берегу появился краб и часто останавливаясь побрел вдоль линии прибоя. Кто создал его и этот берег? Если я, то ...

Мысль шевельнулась снова и в нескольких шагах от меня появились торчащие из песка напольные часы.

Я решил не трогаться с места. Слушал волны, ветер, пальмы и чаек. Сколько я смогу ждать? Это было основным вопросом. Это и должно было дать ответ. Можно было бы обратиться к голосу и послушать его непонятную ерунду, на-

меки. Может он и сейчас слышит мои мысли. Но я не спрашиваю, а он не вмешивается. Ну и пусть молчит. Сейчас не до него. Что-то изменилось. Новый мир возник легко. Я хочу знать, растает ли он и исчезнет, если я не буду удерживать его в сознании.

Тень пальмы подошла ко мне, описывая полукруг, и прошла мимо. Стрелки часов остались неподвижными. Но часы, каким бы ни было их происхождение, только механизм для измерения отрезков времени. Они не доказывают ни наличие времени, ни скорость течения времени, ни его отсутствие. Чего я хочу дожидаться? Ночь должна наступить, дождь может пойти и закончиться, пальмы могу высохнуть, упасть или вырасти. Этого мало. Что ещё может выдать наличие времени?

Ответ пока был только один: что-то должно измениться или исчезнуть. Например, я.

Часть 4. Афина.

Афина задумалась. Одежды ниспадали медленными, мягким складками, сандалии отмеряли неторопливые шаги по крупному песку. Её ответы сдерживались не трудностью вопроса, а деликатностью объяснения. Меня завораживала эта божественная этика, насыщенная немногословность. Словесное излишество подобно слишком разбавленному чаю. Она ни разу не посмотрела на меня. Я никогда не узнаю цену этому взгляду, но и животные не смотрят просто так в глаза друг другу, как и враг врагу. Но одной лишь близости,

нахождения рядом и уделённого внимания было более чем довольно. Она смотрела прямо в даль заката, но казалось видела всё вокруг, в глубину себя и в оба направления времени. Наконец её профиль осветила мимолётная улыбка и, не поворачивая головы, она ответила. И это были не слова, а казалось, за время молчания и размышления была написана мелодия этого ответа. Так совершенно и стройно прозвучал голос, где каждое ударение и паузы дышали гармонией.

– Не огонь священный похитил Прометей, а искру мысли. Огонь, ум, знания, разум, мудрость... Каждое из этих слов есть пламя, своенравное, различное, в каждом свой смысл. И каждому из них есть своё время. Прометей лишь поторопился со своим даром, потому несвоевременный дар оказался троянским. Сможешь ли ты различить их?

– Знания – это факты, сведения, события.

– Да, но констатированные тем, кто с ними соприкоснулся. Никто не может увидеть больше, чем он в состоянии понять. Мираж, принятый за оазис – факт это, или заблуждение?

– Конечно, заблуждение.

– Солнце, заходящее за горизонт – факт, или иллюзия? Почти факт, но не истина. Совершенная истина – это законченность, полное понимание всего, что её вызвало. Что есть ум?

– Способность мыслить.

– Способность действовать не инстинктивно. Волчица,

жертвующая потомством – инстинкт, сохраняющий род волков. Мать, спасающая ребёнка ценой своей жизни – прекрасно, если не важно продолжение её рода. Что есть разум?

– Жестоко. Разум – способность поступать разумно.

– Да, но разумность очень ограничена во времени. Что разумно сегодня – было невозможно ещё вчера и будет абсурдным завтра. Что есть мудрость?

– Разумность вне времени?

– Нет. Это способность поступить неразумно с точки зрения окружающих, не ведающих мудрости, ради истины, которая понятна мудрецу, и до которой другим ещё предстоит дойти. И наказание Прометея – наказание за то, что инстинктивное смешалось с разумным. Инстинктивная жестокость стала жестокостью умышленной, которая потом стала признаваться разумной. А мудрость стала уродливым извращением.

Мы брели по песчаной тропинке, омываемой с обеих сторон легкой прозрачной водой. Созвездия колыхались в ней, вынося на песок искорки звёзд. Каждая новая волна слизывала их, оставляя другие взамен. Дорожка закончилась. Млечный путь, поднимавшийся из-за края, продолжал её. Вопросов больше не было.

– У тебя нет вопросов, но мы подошли к краю. На краю всегда есть вопрос. Край и есть вопрос. К нему не приходят без причин, а ответ – продолжение пути. Переступить через край – не значит ответить на вопрос.

Мы смотрели вниз и вперёд, вверх. Было ли это поиском или любованием? Её руки теперь были опущены от груди вниз и немного разведены в стороны ладонями вперёд. Что видели её закрытые глаза? Что видели мои глаза? Млечный путь. Но важнее было то, что струилось сквозь меня. Течение мысли и созревание ответа, его рождение. Как это незаметно, когда летит время, и как это прекрасно здесь, где время стоит в стороне и не смеет никого торопить.

И дорожка, и небосвод неторопливо наклонились вперёд и мы соскользнули с него двумя чайками, расправив белые крылья над россыпью искр Млечного Пути.

Край – только остановка в пути, если есть ответ и продолжение.

Часть 5. Берег.

– Здесь хорошо, но долго ещё мы будем лежать? – прозвучало позади с шорохом песка. Волны всё так же шумели, облизывая тёплый берег.

– Мы?

Голос ни разу не говорил «мы». И это был другой голос.

Я обернулся.

– Кто ты?

Она так звонко рассмеялась, что ей пришлось смахивать с лица весёлые слёзы.

Наконец её круглое лицо снова появилось из-за её ладони, но только на половину. Я знаю эти игры! Но её небольшие темные глазки и так нравились мне, и островатый но-

сик. Был ли он ей слегка велик, или это только изредка казалось? Подкрашенная челка и глаза, не знающие покоя, не оставляли времени, чтобы задуматься об этом.

– Я хочу ещё минут пять этой симфонии волн, ветра и солнца. Ладно?

– Конечно. Но солнце уже садится. – согласилась она с легкими нотками шутки в голосе, опускаясь снова на одно колено.

– Спасибо, солнце!

Я улыбнулся ей с закрытыми глазами и нащупал её руку.

– Кстати, что тебе говорит голос?

– Мой внутренний голос говорит мне ,что бы можем успеть

обгореть сегодня. У тебя уже краснеют плечи.

Непосредственность и открытость, с которым прозвучал ответ про голос давал мне надежду на ...

И я обратился к своему голосу.

– Кто она?

– Твоя половина.

– Прекрасно, но в каком смысле?

– Во всех возможных смыслах.

– У неё есть голос?

– Только тот, которым она говорит с тобой.

– Но откуда она взялась? Я бы отдал половину своей памяти, чтобы она осталась.

– Ты уже отдал.

– И что произошло? Где я теперь? Всё так материально и самостоятельно вокруг, что это отличается от миров, созданных мной ранее. И где они теперь?

– В вас. Этот мир – то общее, что вы могли создать вместе.

– Что я там натворил, в своём недавнем прошлом?

– Да ничего особенного. Ты просто прошел путь. В чем-то по-своему оригинально, но правильно.

– Так это теперь снова жизнь?

– Почему «теперь»?

– Дальше.

– И не снова, и не теперь. Это продолжение. Но в новой цивилизации нового типа. Без младенчества, и ещё без кое-чего. Ещё поймёте. Не плохо придумано?

– Но кем и как? Что я не успел понять?

– Это уже не важно и не актуально здесь. А в самом общем смысле каждый мир – это частичка Его. Ты понимаешь, о чем это. Поэтому самоуничтожение так отвратительно и никогда не нравилось Ему.

– А бессмертие – это непрерывное...

– ...восхождение. Прощай!

И голос умолк навсегда. Или не совсем навсегда. По крайней мере, на время, отпущенное для этого мира.

Наши руки соприкоснулись и мы пошли в сторону от моря. Яркий, приветливый, гибкий мир прислушивался к нашим мыслям и жил вместе с нами в каждом шаге. Жизнь струилась через сомкнутые пальцы наших рук. Взаимные

ощущения переплетались и не нужно было вслух пересказывать их, подбирая слова. Чувства, желания, мысли, музыка настроения – всё было созвучно и понятно, как своё. И это было ещё не всё. Этот мир рос и цвёл по новым правилам. Гармония и уравновешенность заменили собой конкуренцию на всех уровнях пирамиды видов. Откуда я узнал об этом? Или я начинаю понимать это, или не знаю. Я оглянулся назад. Большие деревянные часы ещё виднелись из песка. Стрелки показывали четверть шестого. Они двигались. И я уже не мог их остановить. Чистое спокойное море махало нам вслед редкими барашками пены на волнах.

– Прогуляемся по нему?

– По чему? – переспросил я скорее своим выражением на лице, чем словами.

– По морю. Я уже гуляла, пока ты спал.

– Конечно! – улыбнулся я.

Конец сокращенной версии.

Послесловие.

Первые эпизодические публикации полных глав, помимо общего одобрения, вызвали две наиболее выраженные волны оценок, типа «мало экшена» и «слишком длинные описания». Но чем дальше развивался сюжет, тем больше уже не хотелось размахиваться на фэнтези «стандартного» объёма 700 или более обычных книжных страниц. Таким образом, главы 2 и 3 серьёзно похудели, из глав 4 и 5 (с этого

момента изначальная нумерация рухнула окончательно) исчезли описания воссозданных миров. Их сменило краткое упоминание об этом отрезке бесконечности. Не представлены воспоминания о предыдущей жизни. Из бесед с воображаемыми персонажами прошлого и будущего оставлен лишь ключевой эпизод с Афиной.

Надеюсь, читатели, привыкшие к «широкоформатным» описаниям, приговорят меня не к самой строгой мере наказания, а живущие в быстром ритме современности, оценят основные идеи этой фантазии.

Желаю всем полноценной, яркой, осмысленной жизни, радости от каждого прожитого мгновения, понимания причин, оттенков, чувств! Как знать! Может и правда пригодится!

Михаил Герасимов, «Смородиновый Морс»